

УДК 8; 811.161

Филологические науки

В статье раскрывается проблема функционирования текстов, которые организуют внутреннее пространство сверхтекста межличностного конфликта. Автор статьи рассматривает такие свойства текстов: границы и коммуникативные «рамки», структурирование, степень связанности, наличие или отсутствие описания невербального взаимодействия оппонентов, использование в тексте языковых конфликтогенов, модель речевого поведения, влияние когнитивных и прагматических факторов на говорящего.

Ключевые слова и фразы: сверхтекст; межличностный конфликт; ментальная информация; ментальная «норма» реакции; модель речевого поведения.

Белоконенко Людмила Анатольевна, к. филол. н., доцент

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина

ТЕКСТЫ ВО ВНУТРЕННЕМ ПРОСТРАНСТВЕ СВЕРХТЕКСТА МЕЖЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА

Текст является многоаспектной единицей, И. Гальперин говорит о нем как о произведении речетворческого процесса, обладающем завершенностью, объективированном в виде письменного документа, литературно обработанном в соответствии с типом документа; состоящем из названия и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными моделями лексической, грамматической, логической, стилистической связи; имеющем определенную целенаправленность и прагматическую установку [1, с. 18]. В целом лингвист отмечает, что содержание текста позволяет прогнозировать ситуацию,

представлять ее в целостности, совокупности существенных связей и отношений. Текст проявляет мотивы и цели деятельности субъекта, выступая связующим звеном между субъектом и объектом, между психическим миром и реальностью. Более поздние исследования в области когнитивистики дополняют понимание текста И. Гальпериным и рассматривают его и как реализацию языка в устной форме. В 60-х гг. XX в. Ю. Лотман, осмысливая понятие «текст», акцентирует внимание на его понимании как единицы коммуникативного и рецептивного ряда, подводя к вопросу уже не о типе текста, а об его объеме, о возможных «сдвигах» пространственных границ. Говоря о прозрачности текстовых границ, он делает вывод о появлении в рамках культуры *текста-кода*, который может быть осознан и обнаружен как «идеальный образец», как «организованная структура знаков», наделенная всеми признаками текстовой реальности, способная организовывать память и подсказывать пределы возможного варьирования текста [6, с. 426].

Современное развитие науки позволило углубить знания о тексте. В украинском языкознании он описывается как особая лингвистическая единица, характеризующаяся связностью и целостностью, структурной организованностью, завершенностью, выступающая как инструмент и продукт познавательно-коммуникативной деятельности человека в процессе отражения действительности субъектом познания [2, с. 745-746]. Текст рассматривается не только как единица языка, но и как философское понятие. Так И. Ильин утверждает, что буквально все стало изучаться как текст: литература, культура, общество, история и даже человек. Положение о том, что история и общество могут быть прочитаны как текст, привело к восприятию культуры как единого интертекста, который служит предтекстом любого нового текста для субъекта, познающего интертекстуальность, это признак того способа, которым текст считывает историю и вписывается в нее [3, с. 225].

В исследовании сверткста, как феномена культуры, находят свое разумное основание языковые реалии, менталитет и сознание народа. В современном

языкознании наблюдаются различные подходы к изучению понятия «сверхтекст». Существующие определения как подчеркивают его зависимость от осознанного автором «вектора» (Г. Битенская, Н. Купина, В. Топоров) [5; 9], так и не абсолютизируют волю автора, акцентируя внимание на его внутренней логике (Н. Меднис, В. Тюпа, О. Шурупова) [8; 10; 11]. Но как бы не рассматривался сверхтекст, он имеет ценностные признаки. Исследователи признают, что в рамках национальной культуры выделяются особые системные языковые образования, которые представляют собой совокупность высказываний, объединенных содержанием и имеющих единую идейную установку. В текстах, способных связываться в целостный сверхтекст, по мнению В. Топорова, выделяется «ядро, которое представляет собой определенную совокупность вариантов, сводящихся к единому источнику» [9, с. 279]. Вследствие этого актуальными становятся не только научные работы, посвященные явлению текста, но и исследования сверхтекста как феномена культуры со своей *совокупностью текстов*, в которых представлены различные модели поведения человека в соответствии с той системой морально-этических, эстетических, прагматических требований, норм и ценностей; с апробированными принципами взаимоотношений между людьми, с «доведенным до автоматизма» отношением к труду, религии, природе, пространству и времени, организации быта и досуга и под. Вся эта специфика народного бытия проявляется в языке, который выступает формой существования и передачи ментальной информации. Наличие коллективного ментального сознания – условие существования сверхтекста, который предстает *в виде бесконечного количества практических вариантов (текстов), каждый из которых соответствует некой ментальной модели речевого поведения*. Поэтому вопрос о внутренней природе сверхтекста, о концептуальных признаках «его» текстов представляется вполне **актуальным**.

Объектом нашего исследования выступает многовариативная система текстов в рамках сверхтекста межличностного конфликта. **Цель статьи** – описать

систему тестов, которые организуют внутреннее пространство сверхтекста межличностного конфликта. *Исследуемые материалы* – тексты, в которых представлен межличностный конфликт, воспроизведенный в художественной литературе, теле- и радиопублицистике, а также разговорный материал, записанный автором в естественных условиях общения людей методом скрытой записи.

Сверхтекст – это совокупность текстов, объединенных содержательно и ситуативно, целостное образование, сформированное на когнитивной, модальной, текстуальной общности текстов, входящих в него. Сверхтекст «ориентирует» человека на соответствующие речевые действия, которые могут реализовать актуальные («здесь и сейчас») или потенциально возможные речевые модели, в сочетании с определенными эмоциями и поведенческими установками. Общая картина мира позволяет сверхтексту реализовать необходимые бытийные «смыслы» и цели человека, среди которых – межличностный речевой конфликт. По мнению автора статьи, *сверхтекст межличностного конфликта – это система текстов, которые выявляют ментальную «норму» реакции, связанную с восприятием нацией конфликта как явления, речевого поведения человека в конфликте и социально-психологических условий взаимодействия оппонентов*. Эти тексты предоставляют человеку ряд возможностей для планирования и реализации содержательных и ситуативных моделей развития межличностного конфликта.

Исследованный языковой материал позволил автору статьи предположить, что тексты в структуре сверхтекста межличностного конфликта (учтены общие критерии выделения сверхтекста Г. Битенской, Н. Купиной, А. Лошакова, Н. Меднис, В. Топорова) имеют ряд свойств, организуя особым способом его внутреннее пространство:

1) границы сверхтекста открыты, но тексты, его образующие, могут быть как *закрытыми*, так и *открытыми*, где их законченность определяется языковой (возможно сочетание с неязыковой) маркировкой конца конфликта. Предполагаем, что соотнести эту категориальную характеристику можно с

вариантами развития конфликта на стадии завершения. Закрытым будет текст, если одна из сторон имеет преимущество и навязывает другой свои условия его прекращения, если борьба идет до полного поражения одной из сторон, если исчерпаны все ресурсы, но явного победителя нет, если стороны идут на взаимные уступки и прекращают спор, если имеет место перемирие. Потенциально открытым может быть текст, в котором конфликт остановлен под давлением «третьей силы» или непреодолимых обстоятельств, хотя проблемы остались и возобновление противостояния может произойти в любое время. В этом случае одна или обе стороны считают, что их цели не достигнуты, напряженность во взаимоотношениях сторон сохраняется, а прекращение конфликта является лишь временным «перерывом». Или из-за недостатка ресурсов борьба принимает затяжной, вялотекущий характер. Безусловно, текст не может быть бесконечно открытым, его существование в значительной мере обусловлено физиологическими и индивидуально-психологическими особенностями человека. Текст может представлять межличностный конфликт в любом временном и количественном «измерении», но он потенциально когда-нибудь будет иметь завершение, однако сверхтекст межличностного конфликта границ не имеет;

2) в зависимости от вида коммуникативной «рамки» различают авторские и неавторские сверхтексты. Для сверхтекста конфликта актуально выделение только авторских текстов, ведь межличностный конфликт всегда имеет стороны взаимодействия, у него есть «создатели». Учет особенностей фактора адресата в тексте возможно только в плане назначения реплик: *знакомому* или *незнакомому типу адресата*. Отсюда наличие межличностных конфликтов с *обезличенными отношениями*, когда адресат воспринимается не как личность, а как субъект противостояния, с которым адресант вступает в спор; и *лично ориентированные*, направленные на известного в некоторой степени субъекта;

3) с точки зрения степени структурной определенности выделяются сверхтексты однотипно структурированные и неоднотипно структурированные.

Первые – однородные, вторые – неоднородные в функционально-стилевом и жанровом отношении. Подобные классификационные параметры имеют общий характер, поэтому исследователи говорят об их потенциальной многомерности [7, с. 199], что дает возможность обозревать сверхтекст межличностного конфликта в различных стилистических проявлениях. Тексты межличностного конфликта можно рассматривать лишь как *однотипно структурированные*: речевой конфликт может быть представлен в различных по стилю и жанру текстах, но каждому конкретному тексту всегда присуща стилевая и жанровая однородность;

4) использование критерия степени связанности позволяет говорить о слабых и сильных сверхтекстах, где слабые определяются элементарными структурами, повторами, а сильные – богатством лексического, морфологического состава, синтаксической разнородностью. Сверхтекст конфликта, благодаря своей стилистической неоднородности и открытой структуре, является сильным сверхтекстом, но тексты в его составе вполне могут быть структурно организованы как *неэлементарными*, так и *элементарным речевыми моделям* (напр., реплики с однотипными предложениями, повторами: – *Ты с ума сошла ! Чисто сошла!* – *Я, сошла ? Ты врешь! Сама ты сошла!* – *Я не вру, не вру!* (бытовой конфликт);

5) с точки зрения наличия/отсутствия в текстах описания невербального взаимодействия сторон, которое может сопровождать речевой конфликт, сверхтекст включает тексты, *имеющие* или *не имеющие* такое *устное* или *письменное описание* (в отличие от сверхтекстов документов, лозунгов, словаря (словарей); сверхтекстов, созданных определенным автором или в определенный период творчества и под.). Человек совершает некие действия в конфликте в зависимости от собственных установок и целей, поэтому выбирает определенные стратегии и тактики, использует различные вербальные и невербальные средства (такое описание нередко представляется авторами в художественной литературе: *Я залепляю ему кулаком в нос. ОК. Скажем, кулачком в носик. Рука у меня дико болит, а из его носа сразу же начинает струиться кровь; О, теперь я попадаю*

ему в челюсть. Он взамен херачит меня по голени, и я снова падаю [4, с. 14].

Активно невербальные компоненты «появляются» в текстах на собственно конфликтной стадии или они становятся деструктивным «вариантом» его завершения, особенно если происходит физическое насилие;

б) в зависимости от присутствия в структуре текстов конфликтогенов, можно выделить тексты *имеющие* или *не имеющие языковые конфликтогены*. Эти «саботажники» общения настраивают человека на более жесткое противостояние (в реплике *Выполнить этот заказ сможет каждый дурак* говорящий использует конфликтоген *дурак*, который дает отрицательную оценку умственным способностям оппонента, что оскорбляет адресата и провоцирует дальнейшее развитие конфликта). Языковые конфликтогены могут сопровождаться различными поведенческими тактиками: захват и удержание объекта конфликта, уничтожение материальных ценностей, физическое воздействие, нанесение телесных повреждений (вплоть до убийства), блокирование чужой деятельности, причинение боли, поэтому внутреннее пространство сверхтекста включает тексты с разными вариантами «соединения» языковых и неязыковых конфликтогенов;

7) с учетом хода речевого поведения личности в конфликте тексты характеризуются *многовекторностью*, которая проявляется в различных речевых моделях на разных стадиях и фазах развития конфликта. Такие модели могут формироваться благодаря выбору адресанта и реализации в тексте его желания завершить конфликт или осознанно идти на открытое противоборство, иметь установку на неуправляемое и непредсказуемое конфликтное поведение, высшую степень его развития. Отсюда – наличие текстов, в которых представлена и предконфликтная стадия, и стадия собственно конфликта, и стадия завершения спора; и тексты, где явно не показана, например, предконфликтная или постконфликтная стадии, или где в развитии события не произошла эскалация противоборства, или конфликт не достиг своего апогея и не принял форму тотальной «войны» с применением всех возможных сил и средств;

8) за диапазоном влияния когнитивного мира личности на ее поведение в конфликте выделяются тексты, определяемые по направленности субъектов на *взаимно негативные, взаимно безразличные, односторонне положительные или отрицательные, противоречиво положительные или отрицательные отношения*. Выбор речевых действий человеком в конфликте подвергается влиянию его внутренних стандартов поведения, которые определены непосредственным или косвенным жизненным опытом, полученным из наблюдений за подобными ситуациями. Речевое поведение человека – это информация из его памяти, в которой, более или менее, сложены вместе разнородные части опыта; она в конфликте «предоставляет» некий вариант «сценария» речевого развития спора;

9) учет факторов прагматического характера дает возможность выделить тексты, структурированные с учетом соотнесенности между его субъективными и объективными сторонами: *адекватно воспринятый конфликт, неадекватно воспринятый конфликт, совсем не воспринятый конфликт, псевдоконфликт*. В каждом случае адресант и адресат совместно формируют текст по определенной модели, совокупность языковых знаков которой отражает восприятие сторонами «меры» объективности конфликта, а также несхожесть средств референции, нарушение связей между «смыслами», несовершенство владения языком, разные уровни оценки языковых знаков участниками коммуникации и под.

Итак, свертхтекст – это совокупность текстов, каждый из которых и вне этого объединения представляет собой целостное, автономное произведение. Все многообразие текстов формирует как для каждого индивидуума, так и для нации общую систему свертхтекста, дает информацию о позиционировании адресанта и адресата в речевом конфликте в зависимости от возможностей его продолжения и способов воздействия на оппонента. При этом свертхтекст выступает по отношению к каждому индивидууму и как «носитель» коллективного знания, и как «помощник» в его стремлении быть членом сообщества, который пытается

соблюдать правила речевого конфликтного общения, приписанные ментальными нормами и закреплённые коммуникативными и социальными ролями говорящего.

Список литературы

1. **Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М. : КомКнига, 2006. 144 с.
2. **Загнітко А. П.** Теоретична граматика сучасної української мови. Морфологія. Синтаксис. Донецьк : БАО, 2011. 991 с.
3. **Ильин И. П.** Постмодернизм: словарь терминов. М. : ИНИОН РАН; INTRADA, 2001. 384 с.
4. **Карпа И.** Bitches get everything : [проза]. Харків : Книжковий клуб сімейного дозвілля; 2007. 147 с.
5. **Купина Н. А., Битенская Г. В.** Сверхтекст и его разновидности // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург : ИРРО, 1994. С. 214-233.
6. **Лотман Ю. М.** Об искусстве. СПб. : Искусство-СПб, 2005. 704 с.
7. **Лошаков А. Г.** Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. Архангельск : Поморский ун-т, 2007. 344 с.
8. **Меднис Н. Е.** Феномен сверхтекста [Электронный ресурс]. URL: <http://www.megansk.ru> (дата обращения: 28.03.2014).
9. **Топоров В. Н.** Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М. : Прогресс; Культура, 1995. С. 259-367.
10. **Тюпа В. И.** Фрагменты Петербургского интертекста // Анализ художественного текста. М. : «Академия», 2006. С. 264-272.
11. **Шурупова О. С.** К вопросу о сверхтексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. №7 (18). Ч. 1. С. 225-227.